

Глава 18

Ли Жун сложил руки на груди и, наблюдая за мерной лентой в руках Цэнь Сяо, иронично выгнул бровь: — Цэнь Сяо, ты ведь помнишь, что мне всего семнадцать? Я несовершеннолетний.

Тот подошел вплотную и, натянув один конец ленты, негромко бросил ему на ухо: — Не двигайся.

Ли Жун послушно задрал подбородок. Его тонкие светлые веки едва заметно подрагивали, но он не унимался: — Я ведь еще совсем ребенок. В твоих хитрых штучках я ничего не смыслю.

Цэнь Сяо на мгновение замер, впившись взглядом в лукавые глаза собеседника. — Хочешь, научу?

Ли Жун расплылся в улыбке и шутливо поднял руки к ушам, сдаваясь: — Не горю желанием.

Цэнь Сяо обернул ленту вокруг его груди и зажал её точно посередине неглубокой ложбинки на спине. — Здесь плохая звукоизоляция.

Юноша тут же притих.

Выйдя из примерочной, Ли Жун застегнул последнюю пуговицу на куртке и со вздохом пробормотал себе под нос: — Интересно, хорошо ли будет смотреться готовый костюм?

Портной вежливо улыбнулся: — Не беспокойтесь. Наши мастера — лауреаты международных премий, они шили наряды для красных дорожек многим знаменитостям. Уверен, результат превзойдет ваши ожидания.

Ли Жун бросил на Цэнь Сяо многозначительный взгляд: — В ваших мастерах я не сомневаюсь. Вот только этот новоявленный закройщик действовал крайне непрофессионально — перетянул так, что до сих пор больно.

Портной, не понимая, шутит гость или говорит серьезно, растерянно посмотрел на Цэнь Сяо: — Разве вы двое не друзья?

Цэнь Сяо привычно смотал ленту в кольцо, положил её на стол и, взглянув на Ли Жуну, совершенно спокойно ответил: — У того, кто ест с чужих рук, язык короток.

Ли Жун изобразил крайнее изумление, будто впервые услышал это выражение. — Вот как? Тогда почему твой язык никогда не становится короче?

Цэнь Сяо запнулся, почувствовав мимолетное веселье, но тут же напустил на себя невозмутимый вид. — Пошли.

Ли Жун поспешил за ним, на ходу напоминая: — Ты ведь отвезешь меня домой? На такси сюда я потратил целую сотню.

Цэнь Сяо холодно бросил: — Я тебе что-то должен?

Ли Жун убежденно кивнул: — Рад, что у тебя проснулась совесть.

Спутник, на удивление, даже не нашелся что возразить.

Оказавшись в машине, Ли Жун первым делом позвонил в компанию по прокату, чтобы отменить заказ. Оператор поначалу юлил, не желая возвращать деньги, но юноша открыл договор и пункт за пунктом начал разносить его аргументы. Похоже, на той стороне еще не встречали такого дотошного клиента — в итоге, не выдержав напора, сотрудница сдалась и оформила возврат.

Положив трубку, Ли Жун устало откинулся на спинку сиденья. Весь его боевой задор мгновенно улетучился, словно из тела разом выкачали все силы. Болезненный организм давал о себе знать: после долгой поездки аппетит пропал окончательно, а в желудке разлилась неприятная кислота.

Цэнь Сяо дождался, пока он затихнет, бросил на него короткий взгляд и включил негромкую музыку. — Раньше ты не был таким многословным.

Тот холодный, вечно хмурый юноша, из которого слова нельзя было вытянуть клещами, казалось, исчез навсегда.

Ли Жун повернул голову к окну. За стеклом мелькали тени деревьев, а длинные блики от уличных фонарей на асфальте напоминали шоколадные плитки, выходящие с конвейера. Веки становились все тяжелее. Услышав слова Цэнь Сяо, он отрешенно пробормотал: — Право — вещь редкая. Оно остается лишь у тех, кто способен за него бороться.

— Угу, — отозвался Цэнь Сяо лишь спустя долгое время, когда Ли Жун уже начал проваливаться в сон.

«Когда-то он думал, что если позволить человеку остаться прежним, это будет означать, что ничего ужасного не произошло. Будто жестокая реальность не оставила на нем кровавых следов. Но это было лишь самообманом. Человек должен сам надеть доспехи, взять в руки меч, избавиться от уязвимостей и покинуть уютную колыбель. Жизнь — это всегда борьба в одиночку»

Ли Жун окончательно уснул. Его дыхание стало ровным и глубоким. Свежая укладка немного растрепалась, мягкие пряди упали на веки, а краски за окном окончательно померкли. Лишь тонкая полоска света от приборной панели застыла на его кадыке.

Цэнь Сяо осторожно прибавил температуру в салоне, убавил музыку до минимума и плавно сбросил скорость. Это было единственное, что он мог сейчас для него сделать.

Ли Жун проснулся, когда на улице уже окончательно стемнело. Глаза неприятно резало от сухости, шея затекла. Машина стояла у обочины, двигатель работал — кондиционер все это время поддерживал тепло.

— Приехали? Я совсем отключился.

Голос Ли Жуна звучал мягко и сонно. Сразу после пробуждения его сознание еще не успело выстроить привычные барьеры, создавая обманчивое впечатление незащитности.

— Твой дом скоро заберут, — негромко произнес Цэнь Сяо.

Ли Жун моргнул, разглядывая в свете фонарей свой маленький дворик. Растения перед виллой, за которыми давно никто не ухаживал, разрослись и теперь хаотично свисали над галечной дорожкой. С тех пор как Цэнь Сяо распорядился, охрана в поселке стала работать куда строже: окна больше не били, двери не заливали краской, а курьеры с траурными венками разворачивались еще на КПП.

— Да, осталось всего несколько дней, — юноша почти забыл об этом, даже не озаботившись поиском нового жилья.

Пальцы Цэнь Сяо задумчиво прошлись по ободу руля. — Если ты хочешь...

— Не хочу, — решительно перебил его Ли Жун и слабо улыбнулся. — Неужели ты не понимаешь? Если людей нет, само здание теряет всякий смысл. К тому же, если тонуть в прошлом, не получится идти вперед.

«Боже, — пронеслось в голове Ли Жуна, — знал бы он, какую тоску вызвал у меня тогда этот подарок»

В прошлой жизни Цэнь Сяо под каким-то странным порывом выкупил этот дом и преподнес ему на день рождения.

Ли Жун вышел из машины и с едва уловимой усмешкой бросил: — Увидимся на празднике.

День рождения Сун Юаньюань праздновали в небольшом загородном поместье её семьи. Как единственная дочь в роду Сун, она получила торжество с поистине королевским размахом: горы подарков от деловых партнеров и изысканные десерты от элитных кондитерских брендов.

Мать Сун даже приказала возвести во дворе декоративный замок в стиле Диснея — специально для того, чтобы приглашенные девушки могли сделать красивые фотографии.

Сама Сун Юаньюань давно забыла о гостях. С кукольным макияжем, в золотистом парике с локонами и серебряной диадемой на голове, она напоминала принцессу из сказки. Пышное молочно-белое платье выгодно подчеркивало её стройную фигуру. Подбрав подол, она при помощи слуг поднялась в «башню» замка и, распахнув нежно-голубые ставни, приняла элегантную позу, подперев подбородок рукой. У подножия замка двое профессиональных фотографов, преклонив колена, ловили каждый её жест.

Гости, разумеется, не скупилась на похвалы. — Юаньюань сегодня просто ослепительна! Пусть ей всегда будет восемнадцать! — Настоящая принцесса, столько грации и благородства. — Прекрасная и добрая девушка. Кому же посчастливится стать её мужем? — Юаньюань сегодня — единственное светило этого вечера.

Мать Сун довольно улыбалась: — Наша Юаньюань не спешит замуж. Она всегда была прилежной, вся в учебе и очень послушная. Не то что некоторые девицы, которые вешаются на шею первому встречному парню.

— Это верно, манеры у неё безупречные.

— Я вовсе не запрещаю ей любить, — продолжала женщина, — но мир так сложен, а она еще совсем неопытна. Конечно, матери приходится брать все заботы на себя...

— Ох, смотрите... — Это кто еще такой? — Ли Жун. Тот самый сын Ли Цинли и Гу Нун. — Так вот он какой... Надо же, этот мальчик... — Невероятно... он просто потрясающе красив.

Ли Жун, в безупречно сидящем черном костюме, тихо устроился в самом незаметном последнем ряду. Пропорции его тела были идеальны: пиджак мягко облегал талию, ноги были небрежно скрещены, а прямые брюки чуть задрались, открывая точеные щиколотки.

Строгий черный костюм на нем вовсе не казался мрачным. Из-под пиджака виднелась белая рубашка с расстегнутым воротником, который едва заметно подрагивал на ветру, открывая изящные ключицы.

Юноша обладал той редкой красотой, которая кажется несправедливым даром небес. Резкие черты лица парадоксальным образом сочетались с мягкой и благородной аурой, а его сияющие

глаза с искристыми зрачками приковывали к себе внимание, стоило ему лишь повести ресницами.

Его густые мягкие волосы вились на концах, едва касаясь крохотной родинки у виска. Губы, тронутые красным вином, выделялись ярким пятном на бледном лице, возвращая ему краски жизни. Он просто сидел там — молчаливый, спокойный, — но этого было достаточно, чтобы все взгляды обратились к нему. В этой красоте было нечто, стоящее выше гендерных рамок.

Находясь в своем «замке», Сун Юаньюань мгновенно почувствовала, как внимание публики ускользает. Хвалебные оды затихли, словно в один миг потеряв всякий смысл. Все присутствующие, не сговариваясь, игнорировали роскошные декорации и её саму, устремив взгляды в сторону неприметного входа.

Растерянная именинница, придерживая пышную юбку, высунулась из окна, ища поддержки у матери. Лицо Матери Сун потемнело.

Сегодня был важный день — совершеннолетие её дочери. Она наняла лучших стилистов и дизайнеров, желая показать всем: их семья никогда не была обязана семейству Ли. То, что Юаньюань раньше встречалась с Ли Жуном, было лишь признанием её собственной исключительности, а их разрыв — закономерным итогом падения юноши, который больше не был ей ровней.

Но реальность оказалась иной: именинница ушла на второй план. И виновником этого стал тот самый «недостойный» бывший парень.

Сам он сохранял невинный вид, будто и не подозревал, какой переполох вызвало его появление. Он слегка выпрямился, поджал губы, и его кадык мягко дернулся под взглядами толпы.

Ли Жун вдруг негромко рассмеялся, безвинно улыбнувшись: — Почему все смотрят на меня? Сегодня же праздник моей девушки.

Цэнь Сяо наблюдал за ним издалека, чувствуя, как во рту пересохло. Он сделал глоток шампанского, не сводя пылающего взгляда с губ Ли Жуна, ставших непривычно алыми. Пузырьки в бокале кружились в безумном вихре — точь-в-точь как его собственное сердце.

Он впервые видел Ли Жуна таким ярким и впервые осознал, что человек может быть настолько прекрасен. Если бы юноша сейчас поднялся в тот пестрый замок, Цэнь Сяо с удовольствием взглянул бы на то, что запечатлели объективы фотографов.